

ЭВЕНТУАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПРОБЛЕМА АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ

О. В. Головашина

ИГРАЕТ ЛИ БОГ В КОСТИ? ПРИНЦИП ШПИЛЬРАУМА КАК ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ВЕРОЯТНОСТНЫХ СЮЖЕТОВ

doi: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-86-95

УДК 82-94

ББК 83.3

В статье автор обращается к принципу диапазонов Й. фон Криса и его интерпретации М. Вебером для анализа эвентуальных сюжетов в художественной литературе. Материалом для статьи послужили произведения отечественных авторов, относимые к жанру альтернативной истории. На первом этапе автор отмечает, что благодаря работам исследователей вероятностные сюжеты стали рассматриваться исходя из их собственной логики, а альтернативность была обоснована как проявление объективных связей действительности. Привлечение нового методологического инструментария и включение сюжетов из художественной литературы в источниковый оборот, на взгляд автора, позволят повысить интерес к этой теме и будут способствовать разрешению некоторых методологических проблем. Автор обращается к принципу шпильраума Й. фон Криса, который трактуется как диапазон объективных возможностей гипотезы или события. Благодаря адаптации этого инструмента к историческому знанию М. Вебером можно проанализировать, каковы возникшие или навязанные модели различных выборов, создающие такие последствия. Для этого нужно сравнить причинно-следственные компоненты исторического эпизода, которые действительно присутствуют, с вымышленным ходом событий, где один или несколько компонентов воображаются отсутствующими, а также сравнить его с неким идеальным типом. Приложение такой трактовки к анализу вероятностных сюжетов в художественной литературе позволяет: 1) показать и обосновать субъективность взгляда исследователя; 2) рассмотреть возможности разработки «интерпретативной истории»; 3) оценить роль художественных произведений как источника для анализа динамики исторического сознания.

Ключевые слова: *принцип шпильраума, Й. фон Крис, Вебер, вероятностные сюжеты, альтернативная история*

Введение

В романе В. Аксенова «Остров Крым» «прыщавый и дурашливый» английский лейтенант Ричард Бэйли-Лэнд 20 января 1920 г. открыл залповый огонь по наступающей на Крым армии красноармейцев. Паника среди наступающих вызвала воодушевление защитников острова, которые смогли отвоевать право Крыма на независимость. «Какая чудовищная нелепость — паршивый мальчишка прервал мощный симфонический ход истории!»¹ Однако разве не такое же место занимает в хрестоматийном нарративе об Октябрьской революции выстрел Авроры (оставляем за скобками вопрос о достоверности и фактологической обоснованности этого нарратива) или выстрелы в Берлине, с которых принято начинать Мартовскую революцию 1848 г.?

Сюжеты о каких-либо случайных действиях, которые приводят к новым (неожиданным с позиции известного исторического нарратива) развилкам, довольно распространены в художественных произведениях, относимых к жанру альтернативной истории. Если оставить за скобками вмешательство инопланетян, подобные сюжеты могут быть интересны не только как способ заполнить досуг. Запрет на использование сослагательного наклонения в истории (который, впрочем, неоднократно нарушался академическими исследователями)² ограничивает возможности осмысления как конкретных исторических событий, так и изучения проблемы исторической случайности

¹ Аксенов В. Остров Крым. М., 2002. С. 195.

Головашина Оксана Владимировна — д.филос.н., в.н.с., Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург); Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (г. Тамбов)
E-mail: ovgolovashina@mail.ru

² См., напр.: Бутенко А. П. Был ли неизбежен Октябрь? // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991; Глушко М. П. Упущенный шанс: могла ли Россия избежать трагического исхода? М., 1999; Иоффе Г. З. 1917 год: упущенная альтернатива // Россия и современный мир. 1993. № 2. С.95–112; Рогочёв А. Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925). Красноярск, 1997; Экштут С. А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления // Вопросы философии. 2000. № 8. С. 79–87; Virtual History: Alternatives and Counterfactuals. London, 1997.

и способов конструирования исторического факта. Историческое знание зачастую исходит из существования объективных закономерностей, определяющих границы интерпретации конкретных событий и логику исторического нарратива. Однако какое место занимают в историческом знании случайность, вероятность и другие категории, на которых строится сюжет литературного произведения? Конечно, «почти каждое событие имеет невообразимо сложную цепочку причин, простирающихся на неопределенное время в прошлое»,³ но в каждый момент времени в конкретной ситуации существует только определенное количество альтернатив, которые могут реализоваться. Ограничено ли количество этих альтернатив произволом автора художественного произведения или есть еще какие-то условия?

Мы считаем, что существуют теоретико-методологические ресурсы, которые позволят нам осмыслить границы вероятности событий. В предлагаемой статье мы проанализируем, какие возможности для решения этой задачи предлагает принцип шпильраума Й. фон Криса и его интерпретация М. Вебером, а также покажем способы приложения этой теории в методологии истории. Хотя было проведено несколько исследований влияния идей фон Криса на работы М. Вебера,⁴ приложение получившегося синтеза теорий на сферу исторического знания ранее не рассматривалось.

Для достижения поставленной цели мы в качестве первого шага, опираясь на существующие исследования вероятности в теории и методологии истории, обоснуем необходимость обращения к принципу шпильраума, далее представим краткую характеристику принципа диапазона фон Криса и применение его Вебером при анализе исторических событий, затем, на заключительном этапе, покажем, какие возможности открывает принцип шпильраума для исторического знания. В качестве источника будем использовать примеры из художественных произведений, относимых к жанру альтернативной истории.

Исследование вероятности в теории и методологии истории

Р. Козеллек подчеркивал, что «говорить о месте случайности в исторической науке трудно, поскольку у нее в историографии своя собственная, еще не написанная история».⁵ Не споря с Козеллеком, подчеркнем, что тематика случайных событий и вариативности исторического процесса вообще возникла как в отечественных, так и в западных работах, хотя дискуссии теоретиков (Д. МакКлоски и М. Шермера или обсуждения отечественных специалистов во время круглого стола «XX век: альтернативы развития» в 1988 г.) не приводили к каким-то конвенциональным решениям.

«Спрос на сослагательность»⁶ в отечественной историографии появился в 1970–1980-е гг. В этот период осмысление альтернативных вариантов исторического развития было связано с анализом роли исторических закономерностей: с одной стороны, если существуют универсальные законы, то нет необходимости изучать конкретные события, которые выступают только проявлением закономерностей,⁷ с другой — признание многовекторности исторического процесса, существования и конкуренции множества альтернатив⁸ требовало пересмотра прежних, распространенных в советской историографии методологических установок. Благодаря А. Я. Гуревичу, Б. Г. Могильницкому, М. Я. Гефтеру и многим другим авторам (П. В. Волобуев, Н. Я. Эйдельман, Е. М. Жуков, М. А. Барг, Г. Г. Водолазов) были поставлены основные проблемы вариативности исторического развития и сделаны первые попытки их разрешения с позиции марксистской историографии.

Новые эпистемологические векторы в постсоветский период открыли возможности для интерпретации сложных теоретико-методологических проблем. Появилось поле для другой постановки вопроса: вероятностные сюжеты стали рассматриваться вне закономерностей исторического развития, исходя из их собственной

³ Cross C. B. Counterfactuals and Event Causation // *Australasian Journal of Philosophy*. 1992. Vol. 70, iss. 3. P. 307.

⁴ См.: Gaaze K. Max Weber's Theory of Causality: an Examination on the Resistance to Post-Truth // *Russian Sociological Review*. 2019. Vol. 18, iss 2. P. 41–61; Heidelberger M. From Mill via von Kries to Max Weber: Causality, Explanation, and Understanding // *Max Weber Studies*. 2015. Vol. 15, № 1. P. 13–45; Treiber H. Max Weber, Johannes von Kries and the Kinetic Theory of Gases // *Max Weber Studies*. 2015. Vol. 15, № 1. P. 47–68.

⁵ Козеллек Р. Случайность как последнее прибежище историографии // *Thesis*. 1994. № 5. С. 171.

⁶ Уваров П. Ю. Вступительное слово // *Одиссей. Человек в истории*. М., 1999. Т. 1999. С. 6.

⁷ См.: Гуревич А. Я. Общий закон и конкретная закономерность истории // *Вопросы истории*. 1965. № 8. С. 23, 24.

⁸ См.: Могильницкий Б. Г. Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции // *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. 1974. № 9. С. 13.

логики; также было обосновано, что альтернативность не является абстракцией, а содержится в объективных связях действительности. Причиной появления исторических альтернатив оказываются: 1) историческая случайность, связанная, как правило, с личными, субъективными факторами (С. А. Экштут); 2) объективные тенденции (С. Ф. Гребениченко); 3) потенциальность как наличие альтернативных возможностей, каждая из которых может быть реализована при некоторых условиях (Э. Нагель, В. Н. Костюк). Исторические альтернативы, вероятность и даже «судьба» (С. А. Экштут) выступают в качестве не столько метафор, сколько обоснованных категорий исторической эпистемологии. Отметим также, что ряд авторов анализирует вероятностные сюжеты только для того, чтобы доказать их невозможность или незначительность для сложившегося исторического развития (А. Деманд, И. М. Клямкин, А. С. Сенявский), что, на наш взгляд, выступает одной из форм осмысления исторических альтернатив.

Современные отечественные и западные авторы предлагают оценку вероятностей с помощью математических и информационных методов (С. Ф. Гребениченко, Е. А. Никифоров, Ю. П. Бокарёв),⁹ теоретической и дискурсивной базы синергетики (Ю. М. Лотман, Я. Г. Шемякин, М. С. Каган),¹⁰ вероятностного моделирования (А. А. Родин, И. В. Бестужев-Лада),¹¹ субъективного выбора или непредсказуемых поступков отдельной личности и контрафактного моделирования (С. А. Экштут).¹²

⁹ См.: McCloskey D. N. History differential equations and narrative problems // *History & Theory*. 1991. Vol. 30, № 1. P. 21–36; Schermer M. Exorcising Laplace's Demon: Chaos And Antichaos, *History And Metahistory* // *History & Theory*. 1995. Vol. 34, № 1. P. 59–83; Schermer M. The Chaos of History: On a Chaotic Model That Represents the Role of Contingency and Necessity in Historical Sequences // *Nonlinear Science Today*. 1993. Vol. 2, № 4. P. 2–12; Гребениченко С. Ф. Технология обнаружения ситуаций альтернативности в процессах исторической эволюции. М., 1995; Никифоров Е. А. К проблеме альтернативности в социальном развитии России // *Историческое значение НЭПа*. М., 1990. С. 202–214; Бокарёв Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М., 1989.

¹⁰ См.: Лотман Ю. М. Изъявление Господне или азартная игра // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 353–363; Он же. Клио на распутье // *Наше наследие*. 1988. № 5. С. 1–4; Шемякин Я. Г. Теоретические проблемы исследования феномена альтернативности // *Аналы*. Научно-публицистический альманах. Донецк, 1992. № 3. С. 15–31.

¹¹ См.: Родин А. А. Основания вероятностного моделирования истории: дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1996; Бестужев-Лада И. В. Не ходил бы Бонапарт на Россию // *Поиск*. 1999. № 47.

¹² См.: Экштут С. А. На службе российскому левиафану. М., 1998; Он же. Надин, или Роман великосветской дамы глаза-

Последнее направление лучше соответствует содержанию произведений в жанре альтернативной истории: как правило, сюжет в них строится на каких-либо решениях или действиях персонажей, которые приводят к развилке и новому направлению в истории (вызваны эти решения прогрессистским послезнанием «попаданцев» или случайным поступком героев — не так важно). В последние годы наблюдается снижение интереса к проблематике альтернатив со стороны профессиональных историков, однако тема продолжает рассматриваться с позиции философии истории (В. А. Нехамкин).¹³

Таким образом, теоретики и методологи смогли обосновать самостоятельный статус вероятности и предложить способы осмысления вероятностных исторических сюжетов. Однако смещение вектора интереса исследователей от теоретических к эмпирическим аспектам изучения вероятности, а также наблюдающееся в последние годы снижение интереса к этой теме со стороны профессиональных историков и отсутствие нового методического инструментария позволяют нам предположить, что необходимость выработки подходов, способствующих разрешению некоторых проблем исторического познания, сохраняется. Также отметим, что исследователи вероятностных сюжетов, о которых мы упоминали выше, в качестве источника рассматривали конкретные исторические события, а не репрезентацию этих событий в художественной литературе.

Шпильраум или принцип диапазонов для изучения исторических вероятностей

М. Я. Гефтер на круглом столе, посвященном альтернативам развития России в XX в., напомнил высказанное им ранее определение альтернативности как выбора между неизвестными путями.¹⁴ Однако каким способом осуществляется этот выбор? Что влияет на него в случае, если результат неизвестен? Мы исходим

ми тайной политической полиции. М., 2001; Он же. Сослагательное наклонение...

¹³ См.: Нехамкин В. А. Парадигмы контрфактического моделирования прошлого в социальном познании: итоги, перспективы развития // *Социум и власть*. 2019. № 5 (79). С. 7–18; Он же. Приемы выдвижения альтернативных исторических гипотез в науке и за ее пределами: философско-методологический анализ // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2021. Т. 12, вып. 12 (110), ч. 2. URL: <https://history.jes.su/s207987840013710-0-1/> (дата обращения: 04.07.2022).

¹⁴ См.: Материалы Круглого стола «XX век: альтернативы развития» // *Рабочий класс и современный мир*. 1989. № 1. С. 68.

из того, что вероятностная логика не связана с недостатком знаний, как можно было бы допустить, опираясь на крайний детерминизм Лапласа. Не отрицая существование закономерностей исторического развития, мы тем не менее считаем, что в рамках этих закономерностей остается пространство возможностей, которое мы вслед за фон Крисом будем называть принципом диапазонов или шпильраумом (*Prinzip der Spielraume*).¹⁵

Сюжетная линия произведений в жанре альтернативной истории зачастую строится через вменение каким-либо конкретным причинам определенных следствий; изменяя событие, ставшее причиной (или добавляя другое событие как причину), авторы описывают в качестве следствия новое направление исторического нарратива, то есть определение множества возможных миров, наиболее похожих на реальный, зависит от причинно-следственных связей. Крым в романе Аксенова остался независимым не только вследствие решения молодого английского лейтенанта, но и потому что был островом. Дмитрий Иванович выживает в Угличе, Петр Первый гибнет во время Азовского похода. Однако изменение событий известного исторического нарратива не определяется исключительно произволом автора, а связано с пространством возможностей, предоставляемых миром художественного произведения. Один из распространенных приемов среди писателей — это опора на послезнание, позволяющее, оценивая следствие, исправлять причины. «Попаданцы» (от изображенных еще Марком Твенем до героев современных российских романов) пользуются знаниями своей эпохи, на тех же прогрессистских позициях стоят представители инопланетных цивилизаций, вмешивающихся в ход российской истории (например, в серии «Одиссей покидает Итаку» В. Звягинцева). Допущение контрафактических вариантов открывает поле одного из множественных миров со своими закономерностями и правилами, то есть мир художественного произведения создается не столько волюнтаризмом автора, сколько логикой мира конкретного художественного произведения — сложно представить появление инопланетян в романе Аксенова «Остров Крым» или в «Сюжете» Т. Толстой, а возможность множественных миров из цикла «Одиссей покидает Итаку» нельзя объяснить

только географическими особенностями или случайно пролетевшей птичкой.

Далее рассмотрим, какие теоретические ресурсы позволяют нам оценить это пространство возможностей, которое в анализируемых случаях определяется границами и законами мира художественного произведения, а потом покажем, что эта оценка может дать историческому знанию.

Йоханнес фон Крис в *Principien der Wahrscheinlichkeitsrechnung* предложил принцип шпильраума в качестве логической конструкции, которая устанавливает «диапазон объективных возможностей гипотезы или события». ¹⁶ Фон Крис рассматривает вероятность как субъективную величину, которая означает степень рационального ожидания события в свете информации, доступной субъекту. Оценка вероятностей предполагает анализ всех возможных альтернатив не только в нашем мире, но и в других возможных мирах. Например, монета будет падать или орлом, или решкой, даже если мы будем ее подбрасывать в мире с несколько другими законами физики, однако на игральном кубике не может выпасть семерка, так как у кубика всего шесть граней.

Интересно замечание фон Криса о том, что обычно существует только одно условие, которое в целом значительно увеличивает объективную возможность результата. Фон Крис пишет: «Когда установлено, что данный конкретный фактор является причиной определенного эффекта, мы должны различать, может ли эта связь быть обобщенной или она всего лишь особенность рассматриваемого случая; т. е. подходит ли этот фактор, как мы обычно говорим, в целом, имеет ли тенденцию производить такой эффект, или он вызвал эффект только случайный». ¹⁷ Эта цитата особенно важна в контексте нашей работы. Вменение постфактум, которое характерно для работы историков, как правило, не сопровождается оценкой того, насколько закономерно из вмененной причины следует именно этот результат, последнее событие в анализируемой причинно-следственной цепочке выступает в линейных рассуждениях историка определяющим по отношению к предшествующим событиям. Герои «прогрессистского» направления в альтернативной истории, вооруженные

¹⁵ См.: Kries J. von. Die Principien der Wahrscheinlichkeitsrechnung. Eine logische Untersuchung. Freiburg, 1886.

¹⁶ Treiber H. Op. cit. P. 49.

¹⁷ Kries J. von. Ueber den Begriff der objektiven Möglichkeit und einige Anwendungen desselben. Vierteljahresschrift für wissenschaftliche // Philosophie. 1888. № 12. S. 200.

«соломкой» послезнания, модернизируют Россию, избавляя ее историю от совершенных ошибок. Оказываясь также в ситуации обратной причинности, авторы тем не менее показывают возможности других следствий или ставят под вопрос выявленные причины, позволяя таким образом проанализировать риски обратной причинно-следственной связи в историческом познании (см., напр., цикл романов В. В. Конюшевского «Попытка возврата», 2008–2009 гг.).

Ошибки в оценке шпильраума возникают в трех случаях: 1) оценка вероятностей не может быть применена к некоторым мирам; 2) мы неверно идентифицируем случайные предложения; 3) ошибочно оцениваем шансы в некоторых мирах.¹⁸ Проблема в том, что и оценка существующих результатов, и интуиция исследователя являются небесспорными в качестве независимых источников, постольку верификация оказывается исключительно на совести того же исследователя или автора художественного произведения. Можно довольно адекватно оценить степень вероятности, когда дело касается азартных игр (как делает это фон Крис), то есть если речь идет о ситуации (системе), правила функционирования которой понятны. Но насколько корректно переносить этот принцип на социальные системы?

М. Вебер говорит, что цель историка состоит не в том, чтобы установить исторический закон или объяснить событие с помощью законов, а в том, чтобы использовать уже имеющееся знание, чтобы причинно приписать событие, факт, обстоятельство человеку или набору условий. При этом причинно-следственная связь — это логическая процедура, а не онтологическая, она вмещается, а не выявляется исходя из каких-то явлений действительности. Несмотря на существующую критику этой точки зрения, далее в статье мы будем следовать за установкой Вебера, так как считаем ее вполне оправданной при анализе текстов историков. Как наследники европейской рациональной традиции, и фон Крис, и Вебер считали, что только разум способен вмещать причины. Диапазон вероятностей основан не на субъективном «интеллектуальном состоянии», а на объективных обстоятельствах внешнего мира. Применение шпильраума, с точки зрения Вебера, оправдано тем, что нет онтологической разницы между естественным

событием и человеческим действием,¹⁹ а различие между естественными и социальными науками не в разной методологии, но только в «логических особенностях цели познания [Erkenntnisziel]»²⁰; иными словами, в науках о культуре вопрос о том, стоит ли формулировать в закон регулярно повторяющуюся причинно-следственную связь повседневного опыта, полностью зависит от целесообразности, вопрос которой должен быть решен в каждом отдельном случае.²¹

Доказав обоснованность перенесения принципа шпильраума на социальные науки, в 1906 г. Вебер, опираясь на практику адаптации диапазона вероятностей в среде юристов,²² анализирует возможности его применения для исследования причин и следствий исторических событий. Вебер считал вполне корректным применение метода фон Криса к истории так же, как он применялся к человеческим действиям в уголовном праве того времени, так как, на его взгляд, спрашивать о причине исторического события — все равно что спрашивать в юридическом контексте, вызвал ли кто-то конкретное следствие своим действием.²³ При анализе вероятностей Вебер исходит из своей теории рационального действия. Предполагая, что событие является действием и, следовательно, может быть приписано человеку как его причина, то есть что у него есть конкретный мотив или комплекс мотивов, «воспроизводимых во внутреннем опыте», исследователь может задавать вопросы о потенциальных отклонениях от логики рационального анализа конечных средств. Это происходит по аналогии с процессами в природе, где мы предполагаем, что по крайней мере в нормальном случае объективные возможности распределены равномерно. Таким образом, условный «попаданец» ведет себя в новых условиях рационально (пытается выжить, адаптироваться в новой среде, получить подходящую позицию), и рациональность его действий позволяет вмещать ему определенную причину и выстраивать следствия вероятностей.

¹⁹ См.: Weber M. Roscher and Knies and the Logical Problems of Historical Economics // Complete Methodological Writings. New York, 2012. P. 43, 44.

²⁰ Ibid.

²¹ См.: Weber M. "Objectivity" in social science and social policy // The methodology of the social sciences. New York, 1949. P. 78.

²² См.: Weber M. Critical Studies in the Logic of the Cultural Sciences // Complete Methodological Writings. London, 2012. P. 139–184.

²³ См.: Weber M. Basic concepts in sociology. New York, 2002.

¹⁸ См.: Heidelberger M. Op. cit.

Процесс применения шпильраума в сфере исторического знания Вебер предлагает осуществлять следующим образом. Сначала исследователи должны выделить из бесконечности условий те, которые интересны, существенны и актуальны с точки зрения историка. Далее нужно сравнить причинно-следственные компоненты исторического эпизода, которые действительно присутствуют, с вымышленным ходом событий, где один или несколько компонентов воображаются отсутствующими. Примерно так же юрист анализирует, умер ли бы человек, если бы другого человека, обвиняемого в убийстве, не было в тот момент в том месте. Для иллюстрации применения теории фон Криса и разработанного им алгоритма исследования вероятностей Вебер обращается к победе афинян над персами в Марафонской битве в 490 г. до н. э. Подчеркивая историческое значение победы греков, Вебер задается вопросом, что было бы, если бы битва была ими проиграна? Возможно, в этом случае могла идти речь о возникновении Персидского протектората и, в дальнейшем, об альтернативном развитии западной цивилизации. В результате историк может сказать, что битва при Марафоне была адекватной причиной создания аттического флота, который, в свою очередь, позволил сохранить независимость греческой культуры и, следовательно, автономное развитие Запада в более поздние времена. Далее, анализируя выстрелы во время мартовской революции 1848 г. в Берлине, Вебер отмечает, что эти выстрелы, хотя и вызвали соответствующие революционные события, исторически незначительны и являются лишь случайным совпадением, потому что, если бы их не было, решающие уличные бои все равно бы разразились и революция бы произошла. Следовательно, историк должен сделать вывод, что причиной выступлений в то время были другие факторы, помимо этой стрельбы.

Вебер рассматривает не возможность/невозможность какого-либо события, а возможность того, что действие оказалось случайным, то есть не было связано с предшествующими причинами и логическими цепочками. Он анализирует поступок матери, которая дала пощечину ребенку,²⁴ при том что такое поведение не соответствовало ее характеру. Причиной ее поступка было событие, которое оказалось

неизвестным наблюдателю — ее мужу. Если бы муж (как наблюдатель события) решил развестись с супругой после того, как она ударила ребенка, не имеет значения, какая у нее была причина для этого поступка и ее мотивация. Участник Марафонской битвы боролся за прах своих отцов, но наблюдатель-историк включает это событие в более обширный нарратив с другой причинно-следственной цепочкой. Историк выступает главным актором конструирования (или осмысления, тут тоже вопрос методологического выбора) исторического нарратива, поэтому его мнения и оценки оказываются решающими; волюнтаризм наблюдателя позволяет оставлять за скобками мотивацию участников битвы или причину конкретного действия жены.

Вебер показывает, каковы возникшие или навязанные модели различных выборов, которые создают такие последствия.²⁵ Чтобы оценить, насколько то или иное событие случайно, Вебер предлагает сравнивать его с неким идеальным типом. Например, в идеальной игре в кости каждая из сторон кубика будет выпадать с одинаковой частотой. Если игрок несколько раз подряд выбрасывает «шестерки», можно задуматься, насколько честно он играет (ср.: после тройного «дубля» по правилам «Монополии» игрок отправляется в тюрьму). Идеальные типы «представляют большую ценность для исследований и имеют большое значение для объяснительных целей, когда они используются в качестве концептуальных инструментов для сравнения и измерения реальности».²⁶ Эту деталь, без ссылки на принцип диапазонов, отмечал также М. Хайдельбергер, обосновывая, что любая контрафактическая историческая модель обязательно тяготеет к «идеальному типу» в духе М. Вебера.²⁷

Таким образом, принцип шпильраума в интерпретации Вебера работает скорее как эпистемологический инструмент для интерпретации вероятностей, чем как эмпирически релевантная теория вероятности. Оценивая шпильраум как логическую операцию, Вебер открывает пространство для использования этой модели для анализа вероятностей в историческом знании.

²⁴ См.: Weber M. *Critical Studies...* P. 177, 178.

²⁵ См.: MacIntyre A. *A Mistake about Causality in Social Science // Philosophy, Politics and Society*. Oxford, 1962. P. 54, 55.

²⁶ Weber M. *Roscher and Knies...* P. 88.

²⁷ Heidelberger. *Op. cit.* P. 35–39.

Шпильраум и историческое знание

«Чтобы проникнуть в реальные корабли причинно-следственных связей, мы строим нереальные», отмечал Вебер.²⁸ То есть чтобы оценить значение какого-либо события в истории, исследователь, исходя из теории рационального выбора и опираясь на идеальные типы, анализирует развитие ситуации, в которой этого события не произошло. Однако, перенося теорию фон Криса на историческое знание, Вебер проигнорировал момент, о котором упоминал сам фон Крис: для использования шпильраума необходимо обладать всей полнотой знания. Анализируя механистические азартные игры, в которых полнота информации о ситуации присутствует по определению и «мы обладаем знанием, согласно которому определенные вещи действительны и, следовательно, представляют для других более или менее большую вероятность»,²⁹ можно было не обращать на это внимание. Но может ли профессиональный историк сказать, что знает все о каком-либо историческом событии? Скорее всего, нет.

С. Фуллер назвал шпильраум модальной властью, то есть властью решать, что возможно, а что нет.³⁰ Объективных возможностей, известных нам в соответствии с критерием фон Криса, недостаточно, чтобы строить на них объективные выводы; как следствие, существует очень мало случаев, когда мы действительно обладаем всей полнотой знания. Фон Крис и Вебер видят выход в оценке того, насколько этот тип события отличается от идеальной случайной установки. Однако насколько эта установка идеальна? Не возникает проблем, если мы говорим о бросках в кости, но, рассматривая последствия Марафонской битвы или выстрелов во время Мартовской революции, Вебер опирался на сложившуюся историографическую традицию (книга историка Э. Мейера) и представление об исторических закономерностях. Хотя фон Крис справедливо говорит об «объективных возможностях», эти возможности являются эпистемическими, то есть зависят от эпистемической базы, набора информации, доступной познающему субъекту, который считает само собой разумеющимся, что вменение следствия зависит

от знаний, доступных агенту. Конечно, такой подход характерен и для авторов. Но писатель, как автор творимого им мира художественного произведения, вполне может исходить из того, что обладает полнотой знания о ситуации, так как он эту ситуацию контролирует. Поэтому, на наш взгляд, предлагаемая теория больше подходит для анализа вероятностных сюжетов в художественных книгах, чем в историческом знании. Однако это не значит, что историческая эпистемология должна не обращаться к ней или игнорировать исследование исторических сюжетов в художественных произведениях. Изучение темы вероятности и работы писателей с историческими случайностями может быть важным ресурсом для историков. Остановимся на этом подробнее.

Во-первых, взгляд автора рассказов, романов в жанре альтернативной истории может показать субъективность взгляда исследователя, который, как муж в примере, приводимом Вебером, не знает всех причин, а занимается вменением, исходя из доступных ему фактов и привычных объяснительных моделей. Мама ударила ребенка «случайно», то есть ее поступок не был связан с ее характером, хотя и имел причину, которую не видел наблюдатель. Поэтому наблюдатель (муж в данном случае) вменяет причину постфактум. Подобным образом историк, по мысли Вебера, связывает Мартовскую революцию с первыми выстрелами, хотя выстрелы в этом конкретном событии не повлияли на ход революции. Подобный ход открывает возможности для привлечения ресурсов социальной теории, прежде всего анализа роли наблюдателя в работах Лумана и теории социальных событий, для анализа исторического нарратива и роли историка в этом.

Во-вторых, художественные произведения могут выступать в качестве источника для анализа динамики исторического сознания. Например, был бы интересен анализ смены перспектив в художественной литературе, относимой к жанру альтернативной истории. Если во второй половине XX в. как отечественные, так и западные авторы, как правило, отрицательно оценивали вмешательство в историю («Конец вечности» А. Азимова, «Демон истории», «Побег» С. Гансовского), то в современных произведениях, «занимая либо высшие посты в государстве (вплоть до императора российского)... попаданцы начинают всячески развивать науку и технику, отстраивать промышленность и заключать выгодные

²⁸ Weber M. Critical Studies.

²⁹ Kries J. von. Die Principien... P. 26.

³⁰ См.: Fuller S. The Post-Truth about Philosophy and Rhetoric // Philosophy & Rhetoric. 2017. Vol. 50, iss. 4. P. 473–482.

союзы. Все это делается с двумя главными целями: чтобы Россия не проигрывала войн, и чтобы в ней не случалось революций... Задача — столкнуть Россию с катастрофического пути, пока это еще можно сделать».³¹ Исторический нарратив, таким образом, представляется авторам не как закономерная последовательность причин и следствий, а как серия ошибок, исправить которые — их задача. Анализируя тематику произведений в жанре альтернативной истории, исследователь может обратить внимание также на изменение отношения к исторической случайности и границам возможного в истории.

В-третьих, благодаря теории рационального действия Вебер выступил основоположником интерпретативной социологии. Однако можем ли мы говорить об интерпретативной истории? Исходя из того что действия того или иного исторического персонажа являются рациональными, исследователь может анализировать влияние этой личности на реализацию той или иной вероятности. Это возвращает нас к влиянию субъективного фактора на реализацию какой-либо альтернативы (С. А. Экштут). Так поступают писатели, создавая непротиворечивые (с разной степенью убедительности) образы исторических персонажей или героев, вмешивающихся, исходя из своих рациональных соображений, в ход исторического процесса. В качестве продолжения этой темы мы также считаем, что, рассматривая и анализируя исторические вероятности в художест-

венной литературе в качестве объективной возможности, опираясь на диапазон вероятностей в интерпретации его М. Вебером, мы можем не только обосновать исторический факт в качестве, прежде всего, эпистемологической категории (что уже было сделано),³² но и проанализировать границы конструирования исторического факта.

Выводы

Таким образом, Вебер говорит, что цель историка состоит не в том, чтобы установить (исторический) закон или объяснить событие с помощью законов, а в том, чтобы использовать уже имеющиеся знания, чтобы причинно приписать событие, факт или обстоятельство человеку или набору условий. Рассматривая вероятностные сюжеты как проявления объективных связей действительности, исходя из их собственной логики, мы считаем продуктивным привлечение в качестве методологического инструментария принципа шпильраума. Опираясь на работы фон Криса и М. Вебера, мы считаем, что сюжеты произведений в жанре альтернативной истории позволяют показать субъективность взгляда исследователя (по аналогии с наблюдателем у Вебера), а также могут выступать в качестве источника для анализа динамики исторического сознания; мы также полагаем, что можно использовать некоторые достижения интерпретативной социологии М. Вебера и рассматривать теорию рационального действия для анализа исторических событий.

Oksana V. Golovashina

Doctor of Philosophical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg); Derzhavin State University (Russia, Tambov)

E-mail: ovgolovashina@mail.ru

DOES GOD PLAY DICE? THE SPIELRAUM PRINCIPLE AS AN APPROACH TO THE STUDY OF PROBABILISTIC PLOTS IN FICTION

The article considers the principle of ranges (Spielraum) of J. von Kries and its interpretation by M. Weber to analyze the eventual plots in fiction. It draws upon the works of Russian authors, referred to the genre of alternative history. In the first step, the author, analyzing the approaches to the study of probabilistic plots, notes that, thanks to the works of researchers, probabilistic plots began to be considered on the basis of their own logic, and alternativity was justified as a manifestation of objective relations of reality. The application of new methodological tools and the inclusion of fiction stories into the source circulation, in the author's opinion, will increase interest in this topic and will contribute to the resolution of some methodological problems. The author addresses J. von Kries's Spielraum principle, which is interpreted as a range of objective possibilities of a hypothesis or event. Thanks to the adaptation of this tool to the historical knowledge

³¹ Фишман Л. Г. Мы попали // Дружба народов. 2010. № 4. С. 200–208. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2010/4/f17.html> (дата обращения: 10.04.2022).

³² См.: Герасимов О. В. Историческое познание: опыт исторической эпистемологии. Самара, 2016. С. 49.

by M. Weber, it is possible to analyze what the emerged or imposed patterns of different choices that create such consequences are. This involves comparing the causal components of a historical episode that are actually present with a fictional course of events where one or more components are imagined to be absent, and comparing it with some ideal type. Applying this interpretation to the analysis of probabilistic plots in fiction makes it possible to: 1) show and substantiate the subjectivity of the researcher's view; 2) consider the possibilities of developing an "interpretive history"; and 3) evaluate the role of works of fiction as a source for analyzing the dynamics of historical consciousness.

Keywords: *Spielraum*, *J. von Kries*, *Weber*, *probabilistic plots*, *alternative history*

REFERENCES

- Bestuzhev-Lada I. V. [Bonaparte would not go to Russia]. *Poisk* [Search], 1999, no. 47 pp. (in Russ.).
- Bokarev Yu. P. *Sotsialisticheskaya promyshlennost' i melkoye krest'yanskoye khozyaystvo v SSSR v 20-ye gody: istochniki, metody issledovaniya, etapy vzaimootnosheniy* [Socialist industry and small peasant economy in the USSR in the 1920s: sources, research methods, stages of relationships]. Moscow: Nauka Publ., 1989. (in Russ.).
- Butenko A. P. [Was October inevitable?]. *Oktyabr' 1917: velichaysheye sobytiye veka ili sotsial'naya katastrofa?* [October 1917: the greatest event of the century or a social catastrophe?]. Moscow: Politizdat Publ., 1991, pp. 50–64. (in Russ.).
- Cross C. B. Counterfactuals and Event Causation. *Australasian Journal of Philosophy*, 1992, vol. 70, iss. 3, pp. 307–323. (in English).
- Ekshtut S. A. [The subjunctive mood in history: the embodiment of the unfulfilled. Experience of historiosophical comprehension]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2000, no. 8, pp. 79–87. (in Russ.).
- Ekshtut S. A. *Na sluzhbe rossiyskomu Leviafanu* [In the service of the Russian Leviathan]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1998. (in Russ.).
- Ekshtut S. A. *Nadin, ili roman velikosvetskoy damy glazami taynoy politicheskoy politzii* [Nadin, or the novel of a high society lady through the eyes of the secret political police]. Moscow: Soglasie Publ., 2001. (in Russ.).
- Fishman L. G. [We got]. *Druzhba narodov* [Friendship of peoples], 2010, no. 4, pp. 200–208. Available at: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/4/fi17.html> (accessed: 10.04.2022). (in Russ.).
- Fuller S. The Post-Truth about Philosophy and Rhetoric. *Philosophy & Rhetoric*, 2017, vol. 50, iss. 4, pp. 473–482. DOI: 10.5325/philtrhet.50.4.0473 (in English).
- Gaaze K. Max Weber's Theory of Causality: an Examination on the Resistance to Post-Truth. *Russian Sociological Review*, 2019, vol. 18, iss. 2, pp. 41–61. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-2-41-61 (in English).
- Gerasimov O. V. *Istoricheskoye poznanie: opyt istoricheskoy epistemologii* [Historical knowledge: an experience of historical epistemology]. Samara: SamGU Publ., 2016. (in Russ.).
- Glushko M. P. *Upushchenny shans: mogla li Rossiya izbezhat' tragicheskogo iskhoda?* [The missed chance: could Russia have avoided a tragic outcome?]. Moscow: Publ., 1999. (in Russ.).
- Grebenichenko S. F. *Tekhnologiya obnaruzheniya situatsiy al'ternativnosti v protsessakh istoricheskoy evolyutsii* [Technology for detecting situations of alternativeness in the processes of historical evolution]. Moscow: S. n., 1995. (in Russ.).
- Gurevich A. Ya. [General law and concrete regularity of history]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 1965, no. 8, pp. 14–30. (in Russ.).
- Heidelberger M. From Mill via von Kries to Max Weber: Causality, Explanation, and Understanding. *Max Weber Studies*, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 13–45. (in English).
- Ioffe G. Z. [1917: a missed alternative]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Modern World], 1993, no. 2, pp. 95–112. (in Russ.).
- Koselleck R. [Accident as the last refuge of historiography]. *Thesis*, 1994, no. 5, pp. 171–184. (in Russ.).
- Lotman Yu. M. [Clio at the crossroads]. *Nashe nasledie* [Our heritage], 1988, no. 5, pp. 1–4. (in Russ.).
- Lotman Yu. M. [God's expression or Gambling]. *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School]. Moscow: Gnozis Publ., 1994, pp. 353–363. (in Russ.).

- MacIntyre A. A Mistake about Causality in Social Science. *Philosophy, Politics and Society*. Oxford: Basil Blackwell, 1962, pp. 48–70. (in English).
- [Materials of the Round Table “20th century: alternatives of development”]. *Rabochiy klass i sovremennyy mir* [Working class and the Modern World], 1989, no. 1, pp. 60–71. (in Russ.).
- McCloskey D. N. History Differential Equations and Narrative Problems. *History & Theory*, 1991, vol. 30, no. 1, pp. 21–36. DOI: 10.2307/2505289 (in English).
- Mogilnitsky B. G. [Alternative historical development in the Leninist theory of people’s revolution]. *Metodologicheskiye i istoriograficheskiye voprosy istoricheskoy nauki* [Methodological and Historiographical Issues of Historical Science], 1974, no. 9, pp. 4–14. (in Russ.).
- Nekhamkin V. A. [Methods of Putting Forward Alternative Historical Hypotheses in Science and Beyond: Philosophical and Methodological Analysis]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel’nyy zhurnal “Istoriya”* [Istoriya], 2021, vol. 12, iss. 12 (110), part 2. Available at: <https://history.jes.su/s207987840013710-0-1/> (accessed: 04.07.2022). DOI: 10.18254/S207987840013710-0 (in Russ.).
- Nekhamkin V. A. [Paradigms of counterfactual modelling of the past in social cognition: results and development prospects]. *Sotsium i vlast’* [Society and Power], 2019, no. 5 (79), pp. 7–18. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-07-18 (in Russ.).
- Nikiforov E. A. [To the problem of alternativeness in Russia’s social development]. *Istoricheskoye znacheniyе NEPa* [The historical significance of the NEP]. Moscow: II SSSR Publ., 1990, pp. 202–214. (in Russ.).
- Rodin A. A. *Osnovaniya veroyatnostnogo modelirovaniya istorii: kand. diss.* [Foundations of probabilistic modeling of history: Diss. Cand.]. Ekaterinburg, 1996. (in Russ.).
- Rogochev A. G. *Al’ternativy rossiyskoy modernizatsii: sibirskiy aspekt: (1917–1925)* [Alternatives to Russian Modernization: Siberian Aspect: (1917–1925)]. Krasnoyarsk: KGU Publ., 1997. (in Russ.).
- Schermer M. Exorcising Laplace’s Demon: Chaos and Antichaos, History and Metahistory. *History & Theory*, 1995, vol. 34, no. 1, pp. 59–83. DOI: 10.2307/2505584 (in English).
- Schermer M. The Chaos of History: on a Chaotic Model that Represents the Role of Contingency and Necessity in Historical Sequences. *Nonlinear Science Today*, 1993, vol. 2, no. 4, pp. 2–12. (in English).
- Shemyakin Ya. G. [Theoretical problems of researching the phenomenon of alternative]. *Annaly. Nauchno-publitsisticheskiy al’manakh* [Annaly. Scientific publicistic almanac]. Donetsk: DO SAMI Publ., 1992, no. 3, pp. 15–31. (in Russ.).
- Treiber H. Max Weber, Johannes von Kries and the Kinetic Theory of Gases. *Max Weber Studies*, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 47–68. (in English).
- Uvarov P. Yu. [Introductory word]. *Odissey. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in History]. Moscow: Nauka Publ., 1999, vol. 1999, pp. 3–9. (in Russ.).
- Virtual History: Alternatives and Counterfactuals*. London: Papermac, 1997. (in English).
- Weber M. “Objectivity” in social science and social policy. *The methodology of the social sciences*. New York: Free Press, 1949, pp. 50–112. (in English).
- Weber M. *Basic concepts in sociology*. New York: Citadel Press, 2002. (in English).
- Weber M. Critical Studies in the Logic of the Cultural Sciences. *Complete Methodological Writings*. London: Routledge, 2012, pp. 139–184. (in English).
- Weber M. Roscher and Knies and the Logical Problems of Historical Economics. *Complete Methodological Writings*, New York: Routledge, 2012, pp. 3–94. (in English).

Для цитирования: Головашина О. В. Играет ли бог в кости? Принцип шпильраума как подход к исследованию вероятностных сюжетов // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 86–95. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-86-95.

For citation: Golovashina O. V. Does God play dice? The Spielraum principle as an approach to the study of probabilistic plots in fiction // Ural Historical Journal, 2022, no. 4 (77), pp. 86–95. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-86-95.